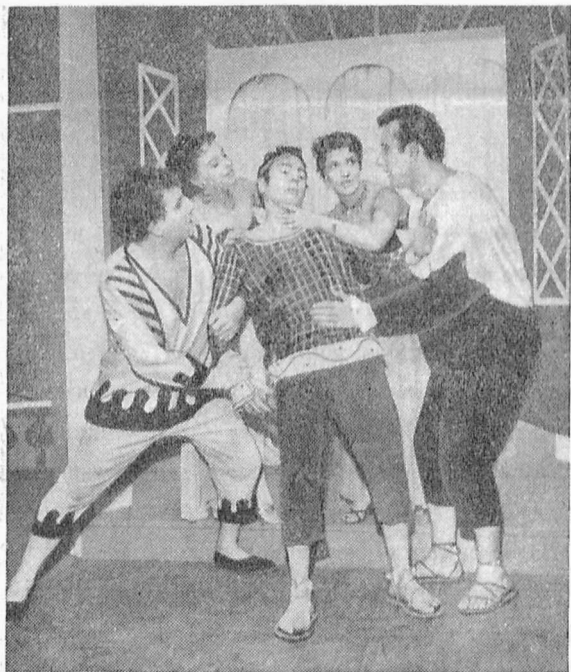

Однако фарс сходен с трагедией тем, что затишье всегда предшествует буре, гром гремит средь ясного неба и гонец с роковой вестью появляется внезапно, сея вокруг смятение и ужас. Гонец — это Транион, который приносит весть о возвращении отца. Лишь только сознание опасности доходит до пирующих (а винные пары, как известно, затрудняют понимание), все прячутся в дом, словно мыши в нору; окна и двери закрывают на все засовы, и Транион, из гонца превратившись в спасителя, берется один противостоять грозе.

4

Наполовину Робинзон Крузо, наполовину герой Киплинга, в колониальном шлеме, с сеткой от москитов и с фибровым чемоданом, но в то же время герой античной комедии в ниспадающем с плеч плаще — таким представил себе наш художник Ив Фошер образ Теодора, главы семьи, нежданно-негаданно явившегося и нарушившего праздник. Теодор толкует о добродетели, послушании, умеренности, о домашнем очаге, гаркая, как фельдфебель, но с умилением престарелого главы семейства. Конечно, он тут же попадает на удочку Траниона, которому при богатстве его фантазии, ничего не стоит придумать страшную историю о поселившемся в доме привидении, чтобы отбить у старика охоту разузнать, что там творится.

5

Но, как известно всем на свете врать — детям, бахвалам, фантазерам, а также слугам в комедиях, — во вранье труден лишь первый шаг, и одна ложь неминуемо влечет за собой другую. На этой зыбкой почве Транион не знает себе равных и с истинным вдохновением возводит великолепное, но весьма шаткое сооружение. В Транионе уже заложены лукавство Скапена, смех Маскарилья, мстительное хладнокровие Фигаро. Более вдохновенный враль, чем его знаменитые собратья, слуга Плавта уступает Скапену в здравом смысле; вранье его, как сказали бы судьи, не так «предумышленно», он врет по наитию, упиваясь звучанием собственных слов. Именно словами, столь же звонкими, как золотые монеты,